

Когда он опустился на одно колено, чтобы помочь Ся Сицину развязать верёвку на его ноге, Чжоу Цзихэн даже не понимал, что происходит, почему он был околдован этим человеком и почему он не был твёрд и не согласился на его просьбу.

Ничто из этого не логично.

Возможно, это было из-за того, что он записывал шоу, он уже обратился к нему с просьбой, и было бы нехорошо снова отказываться. Чжоу Цзихэн нашёл способ для себя.

— Благодарю. – Голос Ся Сицина звучал очень приятно, даже несмотря на то, что его руки всё ещё были скованы наручниками. Он встал со стула, упёрся пальцами ног в пол и пошевелил лодыжками, поворачивая голову, чтобы попутно осмотреть комнату. Чжоу Цзихэн снял всю белую ткань, покрывавшую комнату, и положил её в угол.

Эта комната не слишком большая, но, судя по мебели, это кабинет в хорошем стиле. Их больше всего беспокоит дверь с паролем замком. Нужно ввести правильный четырёхзначный пароль с помощью сенсорного экрана, чтобы открыть дверь.

В комнате четыре стены были оклеены светло-коричневыми обоями с тёмными узорами, на них висело несколько картин и овальное зеркало в деревянной раме. Справа от зеркала у стены стоял шкафчик из красного дерева с фонографом и виниловой пластинкой. Камера.

Это не находится в центре внимания Ся Сицина. Он внимательно следил за распределением камер в этой комнате. В конце концов, это реалити-шоу, и все головоломки упорядочены, так что процесс расшифровки с помощью камеры обязательно будет крупным планом.

Грубо пересчитав камеры, Ся Сицин тоже многое понял в своём сердце. Профессиональные заболевания заставили его взглянуть на картины, висящие на стене, и Чжоу Цзихэн последовал за ним, но он хотел проверить, нет ли за картинами каких-либо подсказок.

— Что вы думаете об этой картине?

Услышав голос Ся Сицина, Чжоу Цзихэн остановился, держась рукой за рамку для фотографии. Искусство никогда не было его специальностью. Хотя он занимается актёрским мастерством с детства, всё ещё существует большой разрыв между формами самовыражения в живописи и исполнительском искусстве.

— Я мало что знаю об этом. – Чжоу Цзихэн всё ещё говорил правду.

Ся Сицин улыбнулся:

— Это картина Гойи «Маха в одежде»*. У этой картины на самом деле очень интересная история.

[{* Существует в реальности, нарисована Франсиско Гойем. Их две «Маха обнаженная» и «Маха в одежде». Здесь можно чуток прочесть про него <https://spb.mk.ru/articles/2012/10/25/765677-genialnyiy-aventyurist.html>}]

Чжоу Цзихэн положил картину обратно и взглянул на него. На самом деле его не интересовала история из уст Ся Сицина, но он вспомнил, что это было в записи, и ему показалось не очень хорошим не говорить, поэтому он неохотно сказал:

— Какая история.

— В Испании в 18 веке, в силу исторических причин, обнажённость была скрыта, и никакие изображения обнажённой натуры или тела не были разрешены в произведениях искусства по всей стране. Единственная картина, «Венера в зеркале»*, была защищена от наказания под покровительством короля. — Ся Сицин протянул свою всё ещё закованную в наручники руку и медленно коснулся края рамы для картины. Чжоу Цзихэн с некоторым замешательством посмотрел на женщину, лежащую на мягком тёмно-зелёном бархате на картине. На ней было прозрачное белое газовое платье, а широкий розовый пояс вокруг её талии подчеркивал мягкую талию.

[{* Венера с зеркалом - картина испанского художника Диего Веласкеса, изображающая полулежащую обнажённую Венеру. Она смотрит в зеркало, которое держит перед ней Амур.}]

— Она носит это...

Рука Ся Сицин замерла, его глаза взглянули на Чжоу Цзихэна, и уголки его прекрасных глаз слегка изогнулись:

— Она его не носила. Легенда гласит, что эта женщина - любимая наложница испанского дворянина. Гойе было приказано написать её портрет в полный рост. — По его словам, Ся Сицин внезапно усмехнулся. — Она знала, что он был полностью очарован красотой и написал портрет обнажённой натуры. После того, как дело раскрылось, дворянин был очень зол. Чтобы успокоить его гнев, Гойя нарисовал ещё одну пару точно такую же «Маха в одежде», и обе эти картины в конце концов забрали.

Чжоу Цзихэн слегка нахмурился и посмотрел на женщину на картине, не сказав ни слова.

Ся Сицин опустил свою скованную наручниками руку и искоса посмотрел на Чжоу Цзихэна.

— Ты воображаешь ещё одну?

Услышав это, Чжоу Цзихэн нахмурился и посмотрел на него, как маленький тигрёнок, у которого вся шерсть встала дыбом:

— У меня этого нет.

Ся Сицин улыбнулся, кивнул и тихо ответил:

— Я шучу.

Это вовсе не шутка.

Увидев фальшивую улыбку на его лице, Чжоу Цзихэн был ещё более недоволен.

У этого парня действительно нет стыда.

Чжоу Цзихэн отошёл без ностальгии, направился прямо к предыдущему длинному столу и проверил подсказки на столе. Ся Сицин всё ещё стоял на месте, он ошеломлённо смотрел на картину на стене.

Почему ты поставил именно это?

Постояв около нескольких минут, Ся Сицин повернул голову и обнаружил, что Чжоу Цзихэн в это время стоял к длинному столу спиной, пристально глядя на рабочий стол. Он тоже подошёл. На столе лежала толстая книга и разорванная записка.

— Все настолько разорвано на куски, что команда реквизиторов действительно внимательна. – Ся Сицин посмотрел на осколки, похожие на снежинки, и мягко пошутил.

Чжоу Цзихэн молча пролистал книгу, и из неё выпала закладка с написанной на ней строкой.

[К чему бы я ни прикоснулся, это будет сломано. ©Кафка]

[{* «То, к чему я прикасаюсь, распадается» это цитата из сборника Ангелы не летают автора Франца Кафка.}]

Ся Сицин наклонился:

— Избранные стихи Кафки.

Чувствуя, что Ся Сицин находится рядом с ним, Чжоу Цзихэн почувствовал себя немного неловко. Он отложил книгу в сторону, взял один из маленьких фрагментов и перевернул его, чтобы посмотреть на него, нахмурившись и некоторое время подумал, он затем начал произносить их по буквам один за другим. Ся Сицин не любил этого делать. Работая по частям, он подошёл к граммофону, осторожно провёл пальцами по тонарму граммофона и аккуратно

положил перо на пластинку.

Уникальная пустота виниловых пластинок быстро проникла в это унылое замкнутое пространство с быстрым ритмом музыкальных нот. Ся Сицин прислонился к шкафу и посмотрел на такого же унылого молодого человека.

— Ты слышал эту песню?

Чжоу Цзихэн не поднял глаз, но пристально посмотрел на рабочий стол:

— Я не очень хорош в музыке.

У него нет интереса к искусству, и у него нет привязанности к блудному сыну, который занимается искусством.

Ся Сицин улыбнулся. Очевидно, его руки были скованы наручниками, но он встал перед шкафом из красного дерева, как профессиональный знаток музыки, и некоторое время любовался им, прежде чем медленно произнести:

— Это первое произведение фортепианной сюиты Равеля «Зеркало»*, в основе которой борьба с огнём в темноте. Создано мотыльками в качестве вдохновения. — Он повернул голову набок, посмотрел на медленно вращающуюся пластинку и слегка усмехнулся, — Хотя музыкальные критики считают, что такой прекрасный хроматический звук очень похож на обычные крылья бабочки, но я слышу как зеркало, разбитое по всему полу.

[{* Жозе́ф Морис Ра́вель – французский композитор и дирижёр. Вошёл в историю как один из ведущих представителей музыкального импрессионизма.}]

Как только его голос сорвался, он немного пожалел. Казалось, он не сказал так много на шоу, но Чжоу Цзихэн, который до этого всем сердцем боролся за осколки, внезапно поднял голову и посмотрел на Ся Сицина.

Возможно, потому, что он чувствовал, что его метафора также вполне уместна, Чжоу Цзихэн, которого ничто не отвлекало, тоже был отвлечён бесконечным потоком музыки, пытаюсь оценить музыку. Он не выпрямлялся до тех пор, пока порванная нота не была точно восстановлена.

— Ты готов? Ты потрясающий.

Ся Сицин был немного удивлён. Записки были полны сломанных букв, а фрагментов было так много, что у него разболелась голова, когда он нетерпеливо посмотрел на них. Подумав это, он подошёл к столу, и Чжоу Цзихэн с помощью скотча на столе склеил эти фрагменты в законченный лист бумаги.

Он взглянул на неё, и все буквы на записке появились, и все они были восстановлены, но это был беспорядочный набор букв.

ПГОЕУДЕЕННРД.

Очевидно, что это пароль. Ся Сицин слегка нахмурился. Теперь ему было ещё больше любопытно, как Чжоу Цзихэн так быстро собрал эту кучу кусочков.

— Это так быстро, как это пишется по буквам?

Чжоу Цзихэн перевернул листок бумаги, и на обратной стороне было написано полное предложение, очень красивым почерком.

[Увидимся в ресторане «София» в десять вечера.]

— Информация на обратной стороне намного лучше, чем на лицевой.

Ся Сицин кивнул. Даже если видно, что за ним стоит законченное предложение, потребуется некоторое время, чтобы различить переднюю и заднюю части.

Подождите, спереди и сзади.

Ся Сицин протянул руку, чтобы взять записку, и коснулся её. Конечно же, этот листок бумаги был специально обработан и выглядел так же, но на ощупь он был другим. Лицевая сторона была очень кремовой на ощупь, а обратная – намного грубее.

— Ты действительно осторожен. – Ся Сицин скованными руками положил листок бумаги обратно на стол и искоса улыбнулся Чжоу Цзихэну, — Это Цзихэн.

Чжоу Цзихэн не мог понять в то, чем он так восхищался. Он ответил немного прямолинейно:

— Этот вид специальной бумаги очень распространён в секретных комнатах. Если вы не будете отвлекаться на музыку, вы тоже найдете её.

— Ни в коем случае, искусство – это жизнь. – Руки Ся Сицина были немного горячими. Он повёл плечами и опустил голову, чтобы посмотреть на листки бумаги. По какой-то причине первоначальная внеземная и чистая музыка в фонографе внезапно стала неуправляемой, и в ней появился странный катон, который был неприятен.

— Ваше «искусство» выглядит немного старым. – Чжоу Цзихэн редко использовал саркастический тон. Музыка катон мешала его мозгу сосредоточиться, поэтому он

приготовился подойти и выключить музыку.

В это время Ся Сицин стоял неподвижно, его глаза не знали, куда смотреть, он, казалось, был в оцепенении.

— Подожди минутку. – В тот момент, когда Чжоу Цзихэн положил руку на тонарм, Ся Сицин остановился, — Пока не выключай его.

— В чём дело? – Чжоу Цзихэн посмотрел на него с некоторым недовольством и обнаружил, что Ся Сицин ищет ручку на столе, записывая что-то на предыдущем листе бумаги.

Он что-нибудь нашёл? Чжоу Цзихэн медленно убрал руку и начал внимательно слушать эту странную прерывистую песню.

Катон в музыке, на первый взгляд, звучит почти нерегулярно, иногда встречается короткий катон, а иногда он длится дольше. Но если вы будете внимательно слушать, то обнаружите, что в конце каждых двух тактов катон останавливается на несколько секунд, а затем появляется снова, даже время катона остается тем же самым.

Как какой-то цикл...

Чжоу Цзихэн отреагировал быстро, и в начале каждого цикла он снова повторял пароль.

Долгосрочный катон-краткосрочный катон-краткосрочный катон-краткосрочный катон-музыка.

Краткосрочный катон-долгосрочный катон-краткосрочный катон-музыка.

Короткая-Музыка.

Короткий-длинный-музыка.

Длинный-короткий-длинный-музыка.

...

Длина передачи – это код Мосс.

Он встал перед фонографом и прослушал несколько тактов. Ся Сицин, который только что склонился над столом, уже выпрямился, посмотрел на черновик, который он только что рассчитал, а затем посмотрел на него и, наконец, подошёл к Чжоу Цзихэну.

— Решил это? – Он был немного удивлён. В конце концов, насколько он знал, специальностью Ся Сицина было искусство. Как он смог так быстро разгадать код Мосса?

Ся Сицин кивнул, слегка нахмутив брови, и он подошёл к зеркалу, которое видел раньше, некоторое время внимательно вглядывался, а затем сказал Чжоу Цзихэну:

— Сначала ты встань немного дальше.

Чжоу Цзихэн был озадачен, но всё же немного отошёл в сторону. Он увидел, как Ся Сицин убрал тонарм, и музыка резко оборвалась. Он собирался спросить Ся Сицина, какую информацию тот получил после расшифровки, но опоздал на шаг. Ся Сицин сделал шаг назад правой ногой. Руки в наручниках сжались в кулаки и упёрлись в грудь. С чрезвычайно умелой позой и движениями он поднял ноги, ударив ногой в сторону.

С грохотом, овальное зеркало, на первый взгляд, разбилось вдребезги, он осторожно убрал ноги, и осколки, отражающие свет, с шелестом посыпались на деревянный шкаф и пол, издавая трескучий звук. В момент падения наконец-то появился первоначальный вид резной рамы.

В серый корпус рамки вклеен серебристый ключ.

— Пожалуйста, помоги мне снять это. – Ся Сицин повернул голову, взглянул на Чжоу Цзихэна, протянув к нему свои связанные руки.

Честно говоря, Ся Сицин был умнее, чем предполагал Чжоу Цзихэн.

Поразмыслив эту секунду, он даже подумывал, не взять ли ключ себе, пока он терял бдительность, чтобы использовать его в качестве груза для шантажа Ся Сицина в будущем. В конце концов, это чрезвычайно хитрый человек, и очень вероятно, что он убийца.

Но в конце концов он отказался от этого плана. Чжоу Цзихэн взглянул на запястья, которые немного покраснели от наручников, и почувствовал, что его мысли действительно были немного презрительными.

Если он замышляет что-то против него в будущем, он может считать себя только невезучим. Чжоу Цзихэн шагнул вперёд и снял ключ. Реквизиторская группа была действительно внимательна. Ключ был приклеен так прочно, что ему потребовалось много усилий, чтобы снять его плавно.

Ся Сицин послушно вытянул руки перед Чжоу Цзихэном и наблюдал, как тот опустил голову, чтобы снять наручники для него. Эта сцена доставила ему огромное эстетическое удовольствие.

Вытянутый нос Чжоу Цзихэна и изящно изогнутые уголки его глаз выглядят ещё изысканнее при таком низком взгляде. Это своего рода изысканная резьба, полная мужских гормонов. Красивые линии, образованные соединением бровных линий с корнями горы, подобны безмолвным горам, падающим под сильным ветром.

С опущенной головой и сосредоточенными бровями Ся Сицин не мог не вспомнить поля из скульптуры Родена «Поцелуй».

[{* «Поцелуй» - мраморная скульптура, созданная Огюстом Роденом и представленная в 1889 году на Всемирной выставке в Париже. Изначально изображённая обнимающаяся пара являлась частью рельефной группы, украшающей большие бронзовые скульптурные ворота «Врата ада», заказанные Родену для будущего музея искусств в Париже. Позднее была оттуда удалена и заменена скульптурой другой пары любовников, расположенной на малой правой колонне.}]

Если бы не запись реалити-шоу, Ся Сицин определенно подошёл бы к его уху и произнёс бы последнюю фразу.

[Твоё лицо действительно подходит для поцелуев.]

<http://bllate.org/book/14508/1284152>